

„Настоящій“.

(Сочиненія Александра Ремизова. Семь томовъ.
Спб. 1911—1912).

Знаменитый нѣкогда разскажчикъ, великий знатокъ родного быта, Иванъ Федоровичъ Горбуновъ высоко цѣнилъ оригиналъ таланта Писемскаго и знакомымъ своимъ всегда давалъ его читать, говоря:

— Почитайте батюшка, и а с т о я щ і й...

Горбуновъ и самъ былъ «настоящій», подлинный художникъ. Наряду съ Островскимъ, Писемскимъ, Мельниковымъ и Лѣсковымъ, онъ останется въ нашей литературѣ, какъ своеобразный большой талантъ, корнями вросшій въ самую глубину народнаго чернозема.

Для того, чтобы таланту стать «настоящимъ» въ томъ смыслѣ, какъ понималъ это Горбуновъ, мало въ совершенствѣ изучить литературную технику, мало постичь своеобразіе народной рѣчи и научиться хорошо писать: надо умѣть воспитать и закалить себя въ условіяхъ непосредственной, свѣжей, общенародной жизни и даръ свой пронести невредимо сквозь пламенныя бури, черезъ глухія дебри. Поприщемъ для такого писателя служить не библиотека и не письменный столъ, а сама жизнь. «Настоящій», писатель совсѣмъ не писатель только. И въ наши печальные дни, когда понятія литературныя и вкусы роковымъ образомъ спутались и смѣшались, когда бездушная сморщенная «стилизація», а съ ней кустарная «беллетристика» очаковскихъ временъ кощунственно посягаютъ быть творчествомъ, быть искусствомъ,—обязанность критики выдѣлить изъ массы суррогатовъ фабричного производства чистый и свѣжій, «настоящій» хлѣбъ.

Цѣлый огромный уголъ русской литературы—тотъ именно уголъ, куда свалены, какъ старыя «запечатлѣнныя» иконы, всѣ эти Писемскіе и Лѣсковы, куда значительной долей бытія своего отошелъ Достоевскій и куда всецѣло примыкаетъ Ремизовъ, не скоро еще дождется полнаго своего признанія. Когда возстанетъ, наконецъ, изъ-подъ засыпавшаго ее пепла чужихъ словъ самодумная народная наша Лада, а привозное искусство будетъ сдано въ архивъ,—тогда лишь обернемся мы къ старой потемнѣлой божницѣ, будемъ учиться своему національному письму и бросимъ надоѣвшія намъ аляповатыя заграничныя фигурки «стиля модернъ». Потому и былъ «настоящимъ» Писемскій

для Горбунова, что послѣдній, самъ величайшій знатокъ русской жизни и быта ея, во всемъ ея объемѣ, въ творчествѣ Писемскаго видѣть огромное національное дѣло. Еще понятнѣе будетъ для насть мнѣніе Горбунова, если мы вспомнимъ слова П. В. Анненкова въ воспоминаніяхъ его объ авторѣ «Плотничей артели»:

«Все было въ немъ откровенно и просто. Онъ производилъ на всѣхъ впечатлѣніе какой-то диковинки посреди Петербурга, но диковинки не простой, мимо которой проходять, бросивъ на нее взглядъ, а такой, которая останавливается и заставляетъ много и долго думать о себѣ. Нельзя было подмѣтить ничего вычитанного, затверженного на память, захваченного со стороны въ его рѣчахъ и мнѣніяхъ. Всѣ сужденія принадлежали ему, природѣ его практическаго ума, и не обнаруживали никакого родства съ ученіями и вѣрованіями, наиболѣе распространенными между тогдашними образованными людьми. Писемскій, напримѣръ, добродушно признавался намъ, что испытываетъ родъ органическаго отвращенія къ иностранцамъ, котораго побѣдить въ себѣ не можетъ.—Присутствіе иностранца, говорилъ Писемскій:—дѣйствуетъ на меня уничтожающимъ образомъ: я лишаюсь спокойствія духа и желанія мыслить и говорить. Пока онъ у меня на глазахъ, я подвергаюсь чему-то въ родѣ столбняка и рѣшительно теряю способность понимать его.—Порывшись немнога въ наиболѣе рѣзкихъ мнѣніяхъ и идеяхъ Писемскаго, которая мы обзывали сплошь парадоксами,—всегда отыскивались зерна и крохи какой-то давней, полуисчезнувшей культуры, сбереженной еще кой-гдѣ въ отрывкахъ простымъ нашимъ народомъ. Отъ нихъ несло особеннымъ ароматическимъ запахомъ развороченной лѣсной чащи, поднятаго на соху чернозема, всѣмъ тѣмъ, что французы называютъ *parfum de terroir* ¹⁾.

Вотъ этотъ-то *parfum de terroir*,—наслѣдіе давней, своей, народной культуры, и не умѣла распознать и оцѣнить наша критика, всю тонкость обонянія своего источавшага на запахахъ чужеземныхъ цвѣтовъ, привезенныхъ къ намъ изъ-за моря, выроенныхъ въ оранжереяхъ и пересаженныхъ потомъ на русскую почву. Если вспомнить, что почти вся старая литература наша, а съ ней и критика воспитались исключительно на европейскихъ образцахъ; что, не говоря уже о такихъ поэтахъ, какъ Батюшковъ или Жуковскій, самъ величайшій русскій поэтъ, наше чудо, полубогъ, Пушкинъ развилиъ свои могутчіе корни въ черноземѣ, удобренномъ... эротикой Парни, подъ широковѣтвистой кроной Байрона; что и Лермонтовъ, и Тургеневъ, и Достоевскій, и Тютчевъ, и Фетъ,—всѣ они съ дѣтства дышали ароматомъ чужихъ полей, а лучшій истолкователь и апостолъ всѣхъ ихъ,

¹⁾ П. В. Анненковъ. Художникъ и простой человѣкъ. (Изъ воспоминаній о А. Ф. Писемскомъ). Полное собр. соч. А. Ф. Писемскаго. Томъ VIII. СПБ. 1911.

Бѣлинскій, быть до мозга костей западникъ, гегельянецъ и фурьеистъ, если вспомнить все это, неудивительнымъ и понятнымъ станетъ, отчего «настоящіе», выроставшіе прямо изъ родной земли таланты казались чужими, незаконными дѣтищами новой петербургской культуры. *Parfum de terroir* черезчур уже быть въ носъ, заставлять отворачиваться, казался грубымъ. Въ «кроахъ полуисчезнувшей культуры», о которыхъ говорить Анненковъ, усматривали черносотенную дикость, ту «эмъю невѣжства», которую топчетъ на памятникѣ конемъ своимъ мѣдный Петръ, въ органическому отвращеніи къ иностранцамъ видѣлось человѣконенавистничество и китайзмъ до-петровской Руси. Вотъ главная причина того, почему такие огромные писатели, какъ Писемскій или Лѣсковъ, остаются гдѣ-то въ тѣни, сбоку исторіи литературы.

Подобно имъ, особнякомъ и одиноко стоять Алексѣй Ремизовъ въ современной нашей литературѣ. На него у насъ смотрять все еще какъ на легкомысленного смѣшливаго балагура, какъ на поверхности стилизатора—разсказчика съ примѣсью чуть не порнографіи, какъ на причудника, повѣствующаго о какихъ-то «тараканахъ», о какихъ-то нелѣпыхъ «снахъ». Даже въ «Прудѣ» и «Часахъ» отыкшую отъ изощренности художественного языка массу озадачиваютъ прежде всего мелкія, второстепенные подробности и детали, характерныя выраженія и словечки. Точно также была бы озадачена эта публика, если бы съ эстрады вмѣсто Сладкопѣвцева вдругъ началъ рассказывать И. Ф. Горбуновъ.

Время, въ которое мы живемъ, эпоха итоговъ по преимуществству, эпоха округленія и подсчета доставшагося намъ по наслѣдству отъ дѣдовъ и прадѣдовъ капитала. Въ творчествѣ Ремизова безсознательно для него самого подводится итогъ несмѣтному богатству тѣхъ писателей, къ которымъ онъ по устремленію своего таланта всего ближе подходитъ. Въ немъ, какъ лучи въ солнечномъ спектрѣ, соединяются убѣдительно-красочная изобразительность Лѣскова, кряжистость и «себѣ на умѣ» Писемскаго, житейская мудрость Островскаго, подъемъ и лиро-эпическая задушевность Мельникова, точность и мѣткость Горбунова. Это не значитъ, разумѣется, что Ремизовъ подражаетъ кому-нибудь изъ этихъ писателей. Весь онъ самобытенъ и цѣленъ и сравнивать его хотя бы съ Лѣсовымъ такъ же странно, какъ и съ Достоевскимъ, которымъ переболѣлъ Ремизовъ въ раннихъ своихъ произведеніяхъ. Какъ стилистъ, онъ рѣшительно непереводимъ на иностранные языки и, какъ талантъ, Европѣ чуждый и ненужный, заставляетъ вспоминать забытыя слова Достоевскаго: «По-моему, переведите комедію Островскаго на нѣмецкій или французскій языкъ и поставьте гдѣ-нибудь на европейской сценѣ,—и я, право, не знаю, что выйдетъ. Что-нибудь, конечно, поймутъ, и, кто знаетъ, можетъ быть, даже найдутъ нѣкоторое удовольствіе, но, по крайней мѣрѣ, три четверти комедіи останутся совершенно недоступны европейскому пони-

манию. Все характерное, все наше национальное, по преимуществу (а стало быть все истинно-художественное), по моему мнению, для Европы неизнаваемо. Даже такъ, что чѣмъ крупнѣе и своеобразнѣе талантъ, тѣмъ онъ будетъ и неизнаваемѣе»¹⁾.

Ремизовъ, какъ художникъ, широкъ и многозвученъ. Даже очень сильные иногда таланты всю жизнь свою остаются на двухъ-трехъ нотахъ, не въ силахъ будучи выйти изъ круга однажды осѣнившихъ ихъ вдохновеній. Все сокровенное и явное даетъ свой отзвукъ въ душѣ Ремизова: и нестерпимый, нечеловѣческій вопль страданія, и тихій лепетъ ребенка, и гнусное словоизверженіе, и шопотъ влюбленныхъ, и кошмарный бредъ обреченного на муки безумія урода. Съ высоты лирическаго паѳоса падаетъ онъ вмigъ въ тину ужасающей пошлости, въ низины презрѣнной «тараканьей» жизни. Знаеть онъ души людей, мечтающихъ о томъ, какъ «человѣческою жертвою, человѣческой мукою будетъ побѣждены старый міръ и настанетъ новый бессмертный міръ—рай земной», и такъ же хорошо вѣдомы ему люди, для которыхъ высшее наслажденіе, а, пожалуй, и цѣль жизни—«чай пить». Весь ужасъ насилия, пошлости, разрата, безстыднаго и въ безстыдствѣ неумолимаго, застыль на ремизовскихъ страницахъ, и въ то же время никто еще, кажется, изъ русскихъ писателей не находилъ такихъ умилительныхъ чистыхъ словъ любви, милосердія и ласки. Ремизовъ заставитъ читателя трястись въ страхѣ передъ неизбѣжнымъ, передъ высшей волей—и вдругъ напуганного, ошеломленного, унесетъ его въ міръ дѣтскихъ безмятежно-счастливыхъ грезъ, въ царство няниной свѣтлой сказки. Разскажетъ что-нибудь омерзительно-пакостное, чудовищное по пошлости, такъ что читателю до тошноты скверно станетъ,—а потомъ заставитъ трепетать отъ восторга, когда съ благоуханныхъ страницъ «Посолони» прольются дѣвственные дожди живой поэзіи. Поразить нелѣпицей и безумной чепухой «Сновъ» и тутъ же покажетъ въявь, во всѣхъ мелочахъ и подробностяхъ, съ гоголевской настойчивостью, жизнь какого-нибудь Стратилатова,—«Не-умнаго бубна».

Къ жизни мучительный вопросъ предъявляетъ Ремизовъ: за что? Кто виновенъ въ томъ, что вершится въ мірѣ? Николай, герой «Пруды», сидя въ тюрьмѣ, задаетъ себѣ въ кошмарномъ бреду этотъ ужасный вопросъ.

«И растравляя наболѣвшее и мучаясь сознаніемъ какой-то вины своей, увидѣлъ онъ собаченку Розику: Розикъ съ расшибленной лапкой служилъ передъ нимъ, а глаза его плакали. И Машку увидѣлъ онъ, Машку Пашкову: надсаживаясь и сопя, два утрешихъ отекшихъ арестанта волокли ее за грязный обтрепанный подоль, и, каза-

¹⁾ Ф. М. Достоевскій. „Дневникъ писателя“, 1873 г. „По поводу выставки“ (Полн. собр. соч. Ф. М. Достоевскаго, томъ X, Спб. 1883, стр. 78—9).

лось, была она, такая хрупкая, непосильной тяжестью. Расцарапанными руками судорожно и пугливо прятала Машка истощенную худую грудь, глядѣла на него помертвѣвшими отъ боли глазами, и онъ будто плюнуль въ ея помертвѣвшіе зрачки, плюнуль отъ своей невыносимой боли, и ногу занесъ, чтобы, хоть какъ-нибудь, каблукомъ стереть этотъ укоръ: «Зачѣмъ такъ надругался надо мной?» И мать свою увидѣла, Вареньку: шатаясь и подпрыгивая, шла Варе нѣка губы тряслись отъ слезъ, а онъ не протянулъ ей руку, не приласкалъ ее, рука его упала тяжелымъ ударомъ прямо ей въ спину, какъ тогда, въ тотъ день, какъ приходилъ о. Глѣбъ прудъ посмотрѣть. И, какъ тогда, поднялась Варенька и молча пошла, шла она, молила хоть каплю милосердія. И увидѣла онъ Евгенія—Женю, на пескѣ будто играютъ вмѣстѣ, и почувствовалъ, какъ въ сжатой горсти захрустѣлъ сухой песокъ. И какъ когда-то, онъ прицѣлился и мѣтко пустилъ песку въ раскрытое больные глаза Жени, и видѣла глаза, таніе грустные, беззащитные, и сыпалъ, и сыпалъ сухимъ пескомъ въ эту беззащитность и грусть. И тутъ же, опять будто Розикъ съ перешабленной лапкой служить, служить и смотрѣть, и плачеть молча: «Чѣмъ же я-то виноватъ?».

Себя самого виновнымъ передъ всѣми признаетъ Николай, какъ въ «Братяхъ Карамазовыхъ» старецъ Зосима, но вотъ о томъ же спрашиваетъ монахъ-исповѣдникъ, отецъ Иларіонъ, увидавшій въ исполненіи воли Божьей предрѣшенную Богомъ злую гибель:

«Не могъ онъ понять и все спрашивалъ: какой же смыслъ человѣческихъ страданій? зачѣмъ человѣкъ обрекался на страданія? кому и для чего понадобились эти страданія? Вотъ онъ, старый, прожившій много лѣтъ въ монастырѣ, спасалъ себя и спасалъ другихъ, но онъ не помнить, забылъ, какъ спасалъ и какъ спасался, а забылъ потому, что прежде понималъ, а теперь не можетъ понять, какой смыслъ страданій его и тѣхъ людей, которые приходили къ нему, и зачѣмъ, и кому, и для чего страданія всѣхъ этихъ жалкихъ, плодяющихся, какъ моль, ничтожныхъ жизней. Передъ нимъ проходили жизни, Боже мой, какія калѣчныя!—и онъ не видѣлъ имъ оправданія, и просилъ, не умѣя отвѣтить, подать ему отвѣтъ, ну хоть бы какъ милостыню, ради Христа».

Вопли страданія дьявольскимъ хоромъ звучать вѣчно въ ушахъ Ремизова, и не мирился онъ съ ними, и всюду ихъ слышитъ и ощущаетъ.

«Это было по случаю какихъ-то благопріятныхъ вѣстей съ войны. Улицы запрудила тысячная толпа, и подъ звуки гимна побѣдоносно двигалось шествіе. Пересѣкавшій дорогу трамвай затормозили. И вотъ изъ-подъ колесъ выползла искалѣченная собаченка. Визжа, съ высунутымъ кровавымъ языкомъ, болтающимся на раздробленной челюсти, и размахивая, какъ хвостомъ, переломленною ногою, пустилась собаченка навстрѣчу побѣдоносному шествію. И визгъ ея словно плевалъ въ одичавшія отъ успѣха торжествующія лица и пронзal

крики, музыку и восклицанія. Но этого мало. Когда кончились празднества и народъ разошелся, а собаченка гдѣ-то подъ заборомъ подохла, визгъ ея не прекращался. Собачій визгъ сверлилъ стѣны, проникалъ въ комнаты, изгрызalъ ткани, влеталъ въ ухо и гдѣ-то внутри безжалостно ковырялъ и, ковыряя своимъ острымъ отравленнымъ жаломъ, пробирался въ мозгъ, спускаясь по горячимъ жиламъ въ сердце и тамъ разбѣдалъ все живое». («Часы»).

«Утромъ на дворѣ случилось несчастье: убилась кошка—бѣлая гладкая кошка съ сѣдыми усами. Можетъ, она и не убилась, и ни съ какой крыши пятаго этажа падать не думала, а что-нибудь проглотила случайно: гвоздь или стекло, а то и нарочно, шутки ради, осколкомъ или гвоздикомъ покормилъ ее какой любитель, есть такие. Мучилась она и трудно ей было: то на спину повалится и катается по камнямъ, то перевернется на брюхо, переднія лапки вытянетъ, задереть мордочку, словно заглядываетъ въ окна, и мяучить». («Крестовыя сестры»).

Визгъ раздавленной трамваемъ собаченки и кошачьи стоны не даютъ Ремизову покоя. Для оглушенного страданіемъ человѣка въ жизни все хаосъ, все разрушеніе, плѣнъ и бредъ. За что, почему и кто виноватъ? Виноватъ ли я передъ всѣми, какъ мнѣ казалось, или всѣ передо мнѣ? А темная народная мудрость устами сказочницы Акумовны въ «Крестовыхъ сестрахъ» отвѣчаетъ на это:

— Обвинять никого нельзя.

Таковъ отвѣтъ самого Ремизова на страшные вопросы.

Но не одно страданіе и пытку, содрогаясь, видить въ жизни Ремизовъ: еще страшнѣй у него безпросвѣтный, мутно-кошмарный ужасъ бытія, вѣчно кружащаго, возвращающаго, по однѣмъ и тѣмъ же, невѣдомымъ никому путямъ, безцѣльного и въ безцѣльности своей непонятнаго человѣка. Въ постоянныхъ повтореніяхъ одного и того же, въ частомъ возвращеніи къ излюбленнымъ словамъ, безсознательно, быть можетъ, для самого себя возсоздаетъ Ремизовъ безостановочный, какъ тиканье часовъ, ходъ текущей куда-то непрестанно и безцѣльно жизни.

Полоумный Костя въ «Часахъ» перевелъ соборные куранты на часъ впередъ и вмѣсто девяти пробило десять часовъ вечера.

«Городъ, жившій по Соборнымъ часамъ, встрепенулся.

На каланчѣ пожарный, закутанный въ овчину, въ своей ужасной мѣдной каскѣ вдругъ остановился и сталъ искать пожара, но зарево надъ колокольнею погасло, и снова зашагалъ пожарный вокругъ черныхъ сигнальныхъ шаровъ п звенящихъ проволокъ. Отходящіе поѣзда, съ запозданіемъ на часъ, спѣша, нагоняли ходъ, свистѣли безнадежно. Подгоняли, лупили кнутомъ извозчики своихъ голодныхъ, лысыхъ клячъ, сами подъ кулакомъ отъ перепуганныхъ, торопящихся не опоздать, на часъ опоздавшихъ сѣдоковъ. Согнутый въ дугу телеграфистъ бойчѣ затанцевалъ измозолившимся пальцемъ по клавишамъ аппарата; перевиная телеграммы, сыпалъ ерунду и не-

былинцу. Непроспавшіяся б а р ы и н и изъ веселаго Н о в а г о С в ъ т а , въ ожиданіи гостей, размазывали бѣлила по рябоватымъ синимъ щекамъ и нестираемымъ язвамъ на измятой, захвачанной груди. Нотаріусъ, довольный часу, закрывая контору, складывалъ въ портфель груду просроченныхъ векселей къ протесту. И кладбищенскій сторожъ съ заступомъ подъ полой шель могилы копать для завтрашнихъ покойниковъ. Сторожева свинья подхрюкивала хозяину. Пивникъ откупоривалъ постѣднія бутылки. И запирали казенную лавку. Бѣда и горе и всѣ ихъ сестры переступали городскую заставу, разбредались по городу, входили въ дома обреченныхъ. И отмѣченная душа заволновалась. Глядя безумными глазами куда-то на задымленную, хмельную отъ облачнаго дыма, полную луну, обрадованнѣе заголосилъ юродивый Маркуша-Н а п о л е о нъ свою ночную молитву: «Господи просвѣти насъ свѣтомъ твоимъ солнечнымъ, луннымъ и звѣзднымъ».

Тупымъ животнымъ страхомъ вѣять на читателя отъ этой картины, повторенной въ концѣ романа. Какая-то издѣвательская, ни на что не похожая, адская дѣйствительность, впервые черезъ Ремизова выйдя изъ своихъ норъ и закоулковъ, вошла въ литературу нашу, въ ея плоть и кровь. У него въ первый разъ явились на свѣтъ почтовые чиновники,—мужья «благовѣрныхъ собачекъ», мастера, заставляющіе мальчишекъ цѣловать имъ пятки и пить изъ помойнаго ведра, монахи съ «умунепостижимыми хоботами», лысыя, въ язвахъ, дѣвицы. Поплость, почти добродушно осмѣянная Гоголемъ, презрительно оплеванная Салтыковымъ, у Ремизова вдругъ встала грознымъ могучимъ апоееозомъ и двинулась на насъ. И ужъ не бороться, а бѣжать мы должны безъ оглядки отъ дьявольского кошмара.

«Тупо шла его жизнь. И было такъ, будто заставили его идти, и онъ шель по тѣсному сырому банному коридору: рѣдкія, выгорающія лампочки, сперты паръ, поплескиванье глухо сбѣгающей воды,— и онъ все шель, и не знать, когда выйдетъ, и куда войдетъ, и вдругъ остановился; да есть ли выходъ, есть ли дверь наружу?» («Прудъ»).

Еще умѣть Ремизовъ наводить на читателя мистической необоримый ужасъ, отъ котораго дыбомъ подымаются волосы и хочется съ головой закутаться въ одѣяло. Таковъ превосходный разсказъ «Жертва». Жена вымогила жизнь мужу, обреченному Богомъ на смерть, цѣною жизни дѣтей своихъ. Спасенный отъ могилы, живой мертвѣцъ на много лѣтъ сохранилъ образъ и подобіе настоящаго чловѣка.

«Петръ Николаевичъ до страсти любилъ все прибирать къ мѣсту, притомъ такъ все хитро дѣлалъ, что послѣ найти прибранную вещь черезчуръ мудрено было, а то и совсѣмъ невозможно: много вещей пропадало и очень нужныхъ. Затѣмъ онъ любилъ наводить порядокъ, передвигая съ мѣста на мѣсто столы, стулья, этажерки, перевѣшивая картины, переставляя въ библіотекѣ книги, въ чемъ собственно и за-

ключались его постоянныя занятія съ утра и до обѣда ежедневно. За обѣдомъ, предпочтая кушанья сладкія, какъ потроха, мозги, ножки, и, не зная мѣры, онъ частенько обѣдался и потому вѣчно жаловался на животъ. Любилъ онъ топить печи—все зябъ—и съ длинною кочергой расхаживалъ обыкновенно отъ печки до печки, помѣшивая жарь. Любилъ онъ поговорить съ прислугой и мужиками и, хотя разговоръ всегда начинался словно бы п о дѣлахъ, но въ концѣ концовъ выходила одна чепуха, что влекло за собою очень нежелательная для общаго порядка грустная послѣдствія: Петра Николаевича не только никто не боялся, но—что ужь тантъ!—вѣры ему не было. Кромѣ того, дуря и чудя, онъ обѣщалъ прямо-таки неполнимыя вещи: всѣмъ и каждому онъ дарилъ свою землю, правда, мѣру не очень крупную—три шага въ длину и шагъ въ ширину—такой шутовской кусокъ. Что еще?.. Да... у него была страсть рѣзать курь и рѣзаль онъ курь не хуже заправскаго повара: птица у него съ перерѣзаннымъ горломъ не хлопала крыльями и не бѣгала безголовая, какъ это часто бываетъ при нелегкой руцѣ. И еще онъ любилъ посмотреть на покойника, и чѣмъ отвратительнѣе было лицо мертваго, чѣмъ сильнѣе чувствовалось разложеніе, тѣмъ находилъ онъ покойника привлекательнѣе. Всякій разъ, когда на селѣ умирали, батюшка о. Иванъ давалъ знать Бородинымъ, тотчасъ закладывался экипажъ и Петръ Николаевичъ, все бросивъ, летѣлъ къ тому мѣсту или въ тотъ домъ, гдѣ случался покойникъ».

Непреложный логический смыслъ скрывается во всѣхъ этихъ причудахъ и странностяхъ, на первый взглядъ такихъ неправдоподобныхъ и нелѣпыхъ. И только добравшись до конца разсказа и сопоставляя смутно что было съ тѣмъ, что сбылось, начинаешь чувствовать паническій стародавній ужасъ. Исполненіе отерченной воли Божьей пришло совсѣмъ неожиданно черезъ много лѣтъ, когда все давно уже позабылось, и трое взрослыхъ дѣтей умерли внезапно, искушительной жертвой.

Въ основѣ «Жертвы» лежитъ все та же постоянная мысль Ремизова о беззащитности человѣка передъ тѣмъ, отъ кого никуда и никому не уйти, передъ тѣмъ «желѣзнымъ, кто, не спрашиваясь, никому не отдавая отчета,увѣренно совершаетъ свое вѣрное дѣло, кто безпощадный семимильными шагами изъ дальне-далека идетъ творить судь и расправу по-своему».

Дѣтскій міръ у Ремизова—совсѣмъ особый міръ. Въ немъ отдыкаетъ измученное наболѣвшее сердце; любить Ремизовъ дѣтей, нѣжно обѣщасть имъ любовной лаской; не сюсюкая, не притворяясь, рассказывается онъ имъ свои чудесныя сказки и самъ, какъ дитя простодушный, съ любовью и вниманіемъ уходитъ въ ихъ дѣтскія радости и заботы. Во всѣхъ разсказахъ Ремизова, гдѣ есть дѣти, преображается жизнь: мучительные ея кошмары уплываютъ далеко куда-то, вмѣстѣ съ туманомъ; все ясно,—и свѣтлые дѣтскіе глаза сіяютъ, какъ звѣзды

на чистомъ небѣ. Какъ «Кострома» въ одной изъ своихъ лучшихъ сказокъ, Ремизовъ «знаеть про то, что въ колыбелькахъ дѣтесь, и кто грудь сосеть, и кто молочко хлебаетъ, зоветь каждое дитя по имени и всѣхъ отличить можетъ».

«Ручки у Саши маленькия, какъ у мамы и у бабушки, а ноготки, что жемчужинки. И опять бѣда: большой палецъ на правой руцѣ нехорошій—замуслеванный, кладеть его Саша себѣ въ ротикъ и сосеть, какъ медвѣдюшка. Вотъ почему одинъ онъ съ сунѣмъ нехорошій. Пробовали отучать, дѣлая подходы по-всякому: и мазали-то пальчикъ горчицей и мазали хиной. И ни злая горчица, ни горькая хина не возымѣли своего дѣйствія,—облизжетъ, поплюетъ и опять въ ротикъ.

Звали Арапа, думали, повліяетъ, а вышло какъ разъ обратное. Оказалось, что и самъ Арапъ сосеть да и превкусно, потому что, какъ тутъ же растолковала Саша: пальчикъ гораздо вкусы не имѣетъ.

Да и такой разбойницы врядъ ли сыскать. Ужъ возьмется разбойничать—ни на что не посмотритъ, такая озора: то помчится мыть руки и, прежде чѣмъ успѣютъ поймать, вымочится до локтей, то стащить у дяди Андрея табакъ и примется набивать папиросы, и, конечно, весь табакъ на полу очутится». («Мака»).

Большая ошибка считать Ремизова только беллетристомъ, только рассказчикомъ,—онъ поэтъ, и поэтъ большой, подлинный. Книга лирики его — это «Посолонь» и «Къ морю-океану» — цѣлый томъ, переполненный красотами неоцѣпимой прелести: колчанъ перламутровый, полный жемчуга и самоцѣвтныхъ камней. Безъ восторженной дрожки нельзя читать его «Крѣсь»—едва ли не лучшую у Ремизова страницу:

«Эна какая—разливная весна! Повыталъ снѣгъ съ полей, повынесло ледъ съ рѣки, разошлась вода со льдомъ, разлились рѣки съ горъ, протекли мелкія рѣчки—бьють ключи и, круглыя, полныя съ берегомъ, катять озера.

«А по разсыпи волнъ на волѣ Водыльникъ. И лишь одна его голова—куча сѣнная, торчить надъ водою:ничѣмъ не заманишь тума заго въ темень на остудное дно, довольно зимой наклевался ершай, и плыветь, охмелѣть.

«Суховерхое дерево грѣется. Веселѣть еловая роща.

«Оживають дыбучіе мхи.

«Вотъ облако къ облаку—пушистые облачки сходятся.

«Пугливо за облако теряется солнце..

«И ужъ движется туча хмуро и грузно: заждалась свистучая, шатаетъ подоблачье.

«Горностай тягу далъ подъ малиновый прутикъ.

«Черкнула ласточка.

«Да какъ заторандитъ да какъ загрохочеть—съ грохотомъ-громомъ катить гремящій Громовникъ: съ укладено сердце, съ жегъза

скованы груди. Торокомъ-вихремъ рѣжеть Громовникъ небесные сныги.

«Подымаеть тугой лукъ. Нацѣпилъ. Спускаеть стрѣлу—к рѣсъ!..

«И всполохнулся отъ искры небесный сводъ, весело, весело горить. И земля подъ топотъ толкучаго грома, просверленная мѣткой стрѣлою, горить»...

Здѣсь каждое слово—на мѣстѣ, каждый эпитетъ продуманъ и прочувствованъ глубоко—и такъ сумѣть на полутора страницахъ уписать необъятную картину весны можетъ только одинъ Ремизовъ.

Если говорить о собственно ремизовскомъ стилѣ, то тутъ не можетъ быть двухъ мнѣній. Своеобразіе стиля вполнѣ отвѣчаетъ таланту писателя. Стиль Ремизова—кованый окладъ съ чеканеной тонко рѣзьбой по золоту, съ перлами и алмазами, сверкающими въ крупныхъ гнѣздахъ. Это—старинная книга съ заставками-миниатюрами, правленными киноварью. Это—хитрая рукопись полууставомъ, съ золочеными буквами, съ завитушками, усиками и росчерками, на слоновой бумагѣ. Съ первого слова, узнается этотъ густо-насыщенный, прочный, чисто-русскій, кондовоий стиль.

«Утихаетъ вечерняя заря, всѣ предметы колеблются, какъ пьяные, и доносить вѣтеръ звонъ со старыхъ звонницъ и колоколенъ. Отдается, паритъ звонъ, колоколь съ колоколомъ перекликается—зазвонный, праздничный, буревой, гудъ—колоколь, и плыветъ изъ-за Волги крылатый и плавный лебедь—колоколь. И вдругъ какъ ударять въ чугунную доску—задребезжитъ звонило, инда въ вискахъ треснуть, и ужъ не колоколь—Божій гласть, это гонять стадо съ полей—разревѣлся быкъ, ржетъ кобылица, звякаетъ глухарь, гремитъ гремокъ, звенятъ бубенцы, раззвенѣлись бубенчики и сквозь звякъ и ревъ свистить на ухо птица, свистить—пересвистывается, экая глупая! («Неуемный бубень»).

Форма и содержаніе у Ремизова сливаются въ строгомъ и нераздѣльномъ единству, но сквозь плотныя ткани его твореній проглядываетъ то, чего не всегда увидишь простымъ глазомъ. Какъ поэты метафоры, понимаемой въ смыслѣ символа, Ремизовъ долженъ быть причисленъ къ писателямъ-символистамъ и въ этомъ отношеніи онъ, какъ возсоздатель національного творчества, можетъ быть названъ поэтомъ будущаго.

Борисъ Садовской.